

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И МЕСТО В НЕМ ЧЕЛОВЕКА

Анализируются определяющие черты и особенности современного общества, которое автор называет обществом постмодерна. Основное внимание уделяется рассмотрению данного общества с точки зрения его социальных последствий для современной личности.

Современное общество – это общество, которое вследствие сложности и многогранности имеет разные характеристики и интерпретации. Определяющие его понятия пытаются фиксировать определенную имманентную сущность, закрепляя в одном термине наиболее важную из отражающих его черт. Так, современное общество называют постиндустриальным (Д. Белл) [2], надиндустриальным (Р. Арон), информационным (Д. Леон), электронным (М. Морисима), программируемым (А. Турен), телепатическим (Дж. Мартин), цивилизацией третьей волны (О. Тоффлер), обществом риска (У. Бек), обществом постмодерна (Ж. Лиотар) [4]. Такой разброс в характеристиках свидетельствует о далеко неоднозначном отношении к современной социальной и о тех, в первую очередь, аксеологических трудностях, с которыми неизбежно сталкивается исследователь, ставя перед собой цель: выразить объективную сущность данного феномена.

Мы будем исходить из понимания современного общества как общества постмодерна, т.к., с нашей точки зрения, именно в подобном определении заключается весь социальный полифонизм, включающий многогранные противоречивые бинарные оппозиции. Постмодерн далеко не однозначен. Подобная неоднозначность свойственна также и современному обществу, она проявляет себя практически во всех структурах социального, особенно когда речь заходит о положении и «самочувствии» человека в них. Поэтому для нас важно рассмотреть общество постмодерна с точки зрения тех социальных последствий, которые оно имеет для современного человека.

Термин «постмодерн», который сегодня активно используется, не имеет однозначного толкования. Нет единого мнения и относительно того, когда данный термин впервые был употреблен. В работе Р. Панвица «Кризис европейской культуры», написанной в 1917 г., речь идет о «постмодернистском человеке» как своеобразной смеси декаданства и варварства, вышедшем на арену истории в результате появления европейского нигилизма и культурной деструктивности. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. британский историк, философ, социолог А. Тойнби обозначил этим термином эпоху, которая приходит на смену эпохи модерна. Так, по его мнению, на стыке XIX и XX вв. наступает кризис «современной эпохи» (Modern – Ade) и появляется новая, «постсовременная эпоха» (Post-Modern Age).

К середине XX в. понятие постмодерна включает все ментальное состояние западной социокультурной реальности, рассматриваемой как весьма сложная и неоднозначная. Значение понятия «постмодерн» значительно изменяется в зависимости от контекста, в котором оно употребляется, включая как новые тенденции в области эстетики, литературы, архитектуры, кинематографа и всей культуры в целом, так и инновационные социальные изменения, вызывающие неоднозначные оценки. Со временем, особенно

после работ Ж.-Ф. Лиотара, данное понятие используется в качестве самостоятельной философской категории, выражающей глубинную сущность современной социальности [4]. Сегодня в интеллектуальном сообществе преобладает подход, рассматривающий постмодерн не в узком специализированном плане, а в качестве определенного состояния современного общества, нового вида социокультурной реальности и соответствующего данному обществу сознания индивида.

Если рассматривать идейные истоки постмодерна, то их можно увидеть в самых различных философских течениях и школах двадцатого столетия: прагматизме, феноменологии, экзистенциализме, постструктурализме, психоанализе, герменевтике, лингвистической философии и других направлениях. Особое место здесь занимает мыслитель, который во многом является для постмодернистской философии фигурой, безусловно, значимой, ключевой, задающей основополагающие принципы нового философствования, – это Ф. Ницше. Так, Р. Тарнас в своей «Истории западного мышления» определяет Ф. Ницше в качестве «главного пророка постмодернистского мышления», мыслителя, чье абсолютно критическое, язвительное сознание предвосхитило онтологический нигилизм западно-европейского мышления [5]. В той степени, насколько глубоко драматичной является сама личность Ницше, неоднозначна и амбивалентна интеллектуальная ситуация постмодерна.

Из всех разнообразных и многослойных оценок постмодерна можно выделить наиболее явственно выступающие и получившие широкое распространение положения, выражающие его главную сущность. В них отдается предпочтение пластичности и постоянному изменению, пересмотру действительности. В данных мыслительных конструкциях возникает убеждение, что нет таких априорных положений, которые довели бы над мировоззрением личности, в силу чего познание человека рассматривается глубоко субъективным и зависящим от самых разнообразных факторов, поэтому любое обретенное знание становится постоянным и перманентным его пересмотром. Реальность, зависящая от человеческого восприятия и принципов верования, воспринимается в качестве постоянно текущего саморазвивающегося процесса. Фраза Ницше о том, что фактов нет, а есть лишь одни истолкования, может восприниматься в качестве ведущего лейтмотива постмодернистской парадигмы. Действительность не существует как объективный феномен, не зависящий от интерпретаций, она в большей степени существует именно в интерпретациях и даже благодаря им. Любой объект познания включен в заданный и истолкованный контекст. Мир оказывается определяемым ведущими в данном контексте положениями, теми системами координат, которые выступают в качестве основополагающих и на данный момент актуальных. Отсюда делается

вывод о том, что природа истины не может носить однозначного и объективного характера.

Из всего многообразия факторов, которые породили подобную интеллектуальную ситуацию, можно назвать множество источников: анализ, проведенный Ницше, взаимосвязи сознания, языка и действительности; семиотика Ч. Пирса, согласно которой любая мысль представляет собой определенную систему знаков; теория языковых игр Витгенштейна; лингвистическая концепция Сепира–Уорфа, отстаивающая тезис о том, что язык формирует действительность в той степени, в какой действительность формирует язык; исследования М. Фуко в области социального знания; принцип деконструкции Ж. Деррида, исходящий из невозможности рассмотрения текста в едином заданном смысле. Все это в конечном итоге и определило в интеллектуальном сообществе в качестве ведущей идею об относительном характере человеческих притязаний на высшую абсолютную истину. Знание в постмодерне стало рассматриваться как результат языковой и социокультурной практики, не имеющий в своих основаниях трансцендентных, самостоятельных и внеисторических структур. Признание множественности самых зачастую несоизмеримых истин логически приводит сторонников постмодерна к скептическому выводу относительно притязаний движения разума по пути прогрессивного поступательного характера. Как следствие этого, в среде мыслителей становится правилом хорошего тона совершать, как пишет П. Рикер, такие интеллектуальные процедуры, где ведущим принципом становится «герменевтика подозрений», наподобие той, которая осуществляется в духе Маркса, Ницше и Фрейда.

В этом смысле постмодерн выступает в качестве такой мировоззренческой парадигмы, где производится процедура развенчания всего традиционного, привычного, классического, определявшего фундаментальные основания всей европейской культуры. Можно сказать, что ключевым словом подобной мировоззренческой деятельности становится слово «пересмотр». Постмодерн, как его определяет А. Вельмер, – это направление современной мысли, берущее на вооружение принципы деконструкции, децентрации, устранения, разбрасывания, демистификацию, прерывание, расхождение, рассеивание и т.д. Как следствие, в этом контексте правильное мышление, как и правильное действие, означает отказ от тирании целого, завершенного. Постмодерн – это «недоверие к метаповествованиям» (Лиотар), где под метаповествованиями подразумеваются устойчивые, глобальные теоретические принципы, идеологии, определявшие и подпитывавшие сознание человека общества модерна. Отсюда делается вывод о том, что единственной, абсолютной истиной в рамках постмодерна является само критическое сознание, которое, подвергая все бесконечному анализу и пересмотру, следуя своей же собственной логике, совершает подобную деконструкцию и с самим собой. Именно в контексте постмодерна как нельзя более кстати звучат слова греческого скептика Аркесилая: «Ни в чем нельзя быть уверенным, даже в этом».

Как мы уже обратили внимание, постмодерн представляет собой не только определенное явление в самосознании европейской культуры второй половины XX в., но и особое состояние общества, имеющее свои специфические очертания и характеристики. В системе

социально-философского знания понятие «постмодерн» обозначает эпоху, которая пришла на смену индустриальному обществу, обществу модерна. В своих качественных параметрах она отражает серьезные изменения, произошедшие в экономической, культурной, политической и личностной сферах.

Переход к эпохе постмодерна определяется рядом существенных для постиндустриального мира процессов: происходит доминирование страты научно-технических специалистов, вызванное появлением разнообразных типов техники; явственно проявляется центральная роль научно-теоретического знания, которое становится источником нововведений и политических решений в обществе; усиливаются процессы по бесконечному умножению объектов, товаров, услуг, где ключевой формой деятельности становится потребление: социальная система начинает все больше нуждаться в людях не только и не столько трудящихся, но и прежде всего в потребителях; происходит отказ от глобальных проектов, которые интегрировали людей и подчиняли их целостным, универсальным идеям, и множество еще не менее важных и существенных характеристик, на которые обращает внимание современное социологическое и философское знание. Нас же в данной работе будет интересовать, каким образом происходит воздействие общества постмодерна на современного человека и каковы те последствия, которые из этого проистекают.

В той степени, в какой неоднозначно анализируется, а самое главное, оценивается общество постмодерна, в той же степени весьма противоречиво рассматривается взаимосвязь современной личности и современного общества.

У мыслителей, выражающих умеренный оптимизм по поводу данной дихотомии (Ж. Лиотар, Ж. Деррида, Э. Лаклау, П. Козловски и др.), обращается внимание на то, что одно из главных преимуществ общества постмодерна заключается в том, что оно ведет к определенному освобождению личности [3]. Люди все в большей степени начинают осознавать себя исключительными творцами своего собственного мира. Историчность бытия становится все более очевидной. «Метафизический дискурс» Запада подошел к своему концу, и это приводит человека к важным, с точки зрения данных теоретиков, последствиям. Если традиционные метафизические принципы ставили человека в определенную зависимость от высших трансцендентных смыслов, и с необходимостью заставляли человека рассматривать свою судьбу как неизбежную и неотвратимую, детерминированную Богом или природой, то в современной социальности подобная предопределенность теряет свою актуальность. Так, Э. Лаклау полагает, что если человек осознает, что тот мир, в котором он живет, является лишь совокупностью образующих его случайных дискурсов и словарей, то вряд ли он будет с неизбежным стоицизмом и смирением относиться к своей личной судьбе. Другое преимущество данного общества и существующего в нем человека, заключается в следующем. Осознание случайного и мифологического характера ведущих универсалистских ценностей приводит человека к пониманию своей личной ответственности за многие происходящие социальные явления. Это делает личность более внима-

тельной и чуткой к различного рода опасностям, которые ее поджидают.

В свое время К. Ясперс анализируя причины современной ему социально-политической ситуации, приведшей к тоталитаризму, одну из главных усматривал в не-критическом отношении к идее прогресса, выражающейся в убежденности людей в правильности, логичности, и самое главное, неизбежности движения по восходящей линии, и, как следствие, в своеобразном снятии своей ответственности за социальные изменения. Поэтому, как считают сторонники постмодерна, осознание людьми историчности различного рода ценностей сделает их ответственными гражданами своего общества, принимающими свою личностную, активную социальную деятельность в качестве необходимой и естественной.

Достаточно критичную позицию в отношении взаимосвязи общества постмодерна и личности высказывают многие современные мыслители: Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, З. Бауман, В. Бибихин, О. Вайнштейн и др. Они обращают внимание на то, что обратной стороной открытости и многоплановости постмодернистского состояния современного общества является отсутствие какого-либо твердого основания для мировоззрения современного человека. Признание реальности в качестве разветвленной, многомерной, безграничной не может не вселять тревогу и смятение перед лицом нескончаемого релятивизма и экзистенциальной конечности. Как только в обществе начинает проявлять себя на самых разных уровнях социальности идея нестабильности, относительности, изменчивости бытия, то она начинает закрепляться в сознании индивида, находя свое подтверждение в самых разных феноменах окружающей реальности. Здесь известная теорема Томаса «Убеждения людей в реальности ситуации реальны по своим последствиям», как это ни парадоксально, реализуется в практике бытия.

Как нам кажется, подобная мировоззренческая позиция является наиболее верной и в большей степени соответствующей происходящим социокультурным процессам. Критически оценивая все то, что происходит с человеком в современном обществе, можно видеть, насколько беззащитным становится сознание индивида перед подобным состоянием социальной неопределенности, что выражается в неспособности человека справиться с действительностью и найти свое собственное место. Современный человек потерял контроль над большинством социальных процессов, т.к. само общество демонстрирует взаимоисключающие, противоречивые варианты развития. Социальные институты, структуры, чья роль традиционно виделась в преодолении различного рода проблем, превращаются в институты, их порождающие. Общество основывает свое правление на «институте неуверенности» (П. Бурдье), где доминируют представления о размытости, неоднозначности и противоречивости бытия. Как следствие, это не может не приводить к возрастанию неопределенности относительно будущего и отказу от долгосрочных, перспективных целей ради сегодняшнего дня. Обращаясь к обществу модерна, можно в нем увидеть состояние уверенности человека в социальных институтах, чего нет у личности в современном обществе. Если в основных элементах общества модерна (общественной системе, других людях, личностной индивидуальности) что-либо нарушалось, то это неизбежно приводило

к напряжению и сбою в других. Современное общество – это «суетливость» по нахождению и институциональному обоснованию уверенности. Сегодня, как мы видим, предпринимаются не очень удачные попытки по созданию устойчивости и уверенности в аксеологических основаниях общества, укрепления веры в то, что данные ценности являются непреложными и априори существующими. Не случайно современный английский социолог З. Бауман, обращает внимание на то, что в нынешнем обществе со всех сторон звучат требования установления порядка, предсказуемости [1]. А это, безусловно, говорит о том, что этот порядок отсутствует, т.к. его наличие не вызывало бы необходимости вообще вести о нем разговор. Порядок, устойчивость, уверенность, размеренность, когда они присутствуют в обществе, воспринимаются в качестве его естественного состояния.

С нашей точки зрения, к безусловной «ненормальности» современного общества относятся различные стратегии бегства индивида, принимающие самые разнообразные патологичные формы. Это в первую очередь относится к безостановочному материальному потреблению. Сегодня мы можем наблюдать «рождение», «рост» и «смерть» вещей, в то время как в предшествующих обществах вещи «переживали» человека. Это вытекает из того, что ведущей формой деятельности для человека стало потребление. Можно даже сказать, что современное общество нуждается не столько в человеке трудящемся, производящем, сколько в человеке именно потребляющем. Причем бездумно потребляющем буквально все: от вещественно-материального, до культов, идеологий, националистических идей, массовой культуры, наркотиков, алкоголя и т.д. Потребление становится важнейшим рычагом социальных манипуляций и социального воздействия, что соответственно требует усиления государственного контроля над данным процессом. И здесь возникает интересное противоречие. С одной стороны, происходит интенсификация контроля, а с другой – потребление объявляется свободным выбором человека. Парадокс заключается в том, что нынешнее общество демонстрирует противоречие, которое не совсем им осознается. Человеку преподносится идея, что уровень потребления – это и есть мерило социальных заслуг, но в то же время от него ожидается проявление иных форм социальной ответственности. Нам думается, что привычка к безграничному потреблению вряд ли создаст такой тип личности, который будет руководствоваться в своей деятельности абстрактными принципами всеобщего блага.

Состояние кризиса, в котором находится общество постмодерна, как мы видим, затрагивает и общественные институты, и отдельного человека. Здесь можно увидеть следующую закономерность: поскольку общественные институты онтологически зависят от поддерживающих их индивидов, то кризис индивидуальности логично приводит к кризису зависящих от них институтов. Происходит «крах общественного человека» (Р. Сеннет), вызванный состоянием онтологической неустойчивости социального бытия. Каковы последствия подобного рода кризисов индивидуальности и социальной устойчивости? Безусловно, они могут развиваться по самому разному сценарию, но в любом случае главным результатом будет отсутствие предсказуемости поведения индивида. Так как происходит потеря аксеологических оснований, на кото-

рые опиралась в своем поведении личность, то реакция может варьироваться от состояния глубочайшей апатии, нигилизма, усталости до состояния чрезмерной активности. Как верно подмечает В. Хесле, кризис индивидуальности может привести к своеобразной аберрации ценностных структур, вследствие чего будут возрождаться наиболее архаичные, примитивные идеи. Чувство незащитности, потерянности которое испытывает человек, может увеличить вероятность возрождения тоталитаристских идеологий, т.к. они дают внятные, простые и все расставляющие на свои места решения.

Во многом именно состояние нигилизма, апатии современного человека предопределено потерей его внутренней самости. Современное общество – это массовое общество в том смысле, как его рассматривали Х. Ортега-и-Гассет, Г. Блумер, Ж. Бодрийяр. В данном обществе масса нивелирует личность, отдает предпочтение усредненному, типическому, привычному и легкоусвояемому. «Человек – массы» легко наполнятся самым разным, зачастую противоречивым содержанием. Массам не нужен смысл, как отмечал Бодрийяр. Любые попытки привнести сложность в смыслопонимание наталкиваются на полное неприятие. Необходимость существует только в зрелищности и стереотипности. Общества, где масса выступает своеобразным нормативом социальности, уже по самой своей сущности не являются здоровыми. В данных обществах происходит «забалтывание» (Хайдеггер) сущности человека, искажение его самости.

Итак, современная философская мысль констатирует именно болезненную симптоматику всех структур социального. При этом она подчеркивает, что в истории человечества, наверное, никогда не было такого общества, которое могло бы удовлетворять каждую личность и восприниматься ею в качестве идеального. С этим трудно не согласиться, но то, что подобное общество практически недостижимо, не означает, что не должны быть предприняты попытки движения в данном направлении. По мере того как развивается цивилизация и вместе с ней человек, меняются многие стратегии действия, и зачастую их ход определяется объективно-правильным видением реальности.

Философия не просто пытается зафиксировать и объективно описать происходящие процессы. Она, конечно, должна предложить возможные варианты выхода из сложившейся кризисной ситуации. По крайней мере, философия как часть культуры выполняет функцию смысловой ориентации человека. Любая философия, если только она философия, а не идеология, убеждена в своем воздействии на души людей и на порядок общества. Влияние философии заключается не в ее практической целесообразности и применимости, а в том, что она дает образовательное знание, знание ак-

сеологических нормативов. Философская культура позволяет понять, в чем заключается высшее благо для человека и общества. Какой бы излишне высокопарной не казалась данная мысль, в своих конечных и базисных основаниях она является именно таковой.

Итак, философия может предлагать самые различные варианты выхода из сложившейся драматической ситуации современного социального сообщества и существующего в нем человека. Один из таких вариантов связан с обращением к идеям и идеалам, заданным еще эпохой Просвещения. Именно данная эпоха, основанная на позитивистском, рационалистическом универсализме, основы здорового общества усматривала в опоре на разумное начало, в движении к абсолютной истине, в рациональном планировании идеальных социальных порядков.

В наши дни проект Просвещения имеет и своих сторонников, и своих противников. Сторонники (К. Ясперс, Э. Фромм, Ю. Хабермас, И. Валлерстайн и др.) видят в нем один из наиболее приемлемых вариантов обретения стабильного общества. И хотя доля скептицизма здесь достаточно велика, тем не менее считается, что идеалы Просвещения вполне могут быть реализованы в современных экономических и политических условиях. Критики в обосновании противоположной позиции опираются на такие фундаментальные интеллектуальные фигуры, как Ф. Ницше и М. Вебер, называвшие идеи мыслителей Просвещения ироничной и печальной иллюзией и не видевшие в них выхода для современного социума.

Можно с полным правом говорить о том, что кризис индивида, вызванный состоянием потери веры в смысл многих социальных процессов, отсутствием уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне, не может чрезмерно долго продолжаться. Так как человек существо, которое всегда нуждается в обретении онтологической устойчивости, нахождении логики и смысла во всем происходящем, то не таким уж невероятным будут его поиски опоры в таких идеологиях, которые позволят ему обрести состояние индивидуальной и социальной целостности. Отсюда индивид может оправдывать и тяготеть к самым зачатую деструктивным, разрушающим эту противоречивую и невнятную социальность, методам. Когда А. Камю в заключении своего романа «Чума» предупреждал об опасности возрождения бациллы чумы, метафорически обозначающей любые тоталитарные мифологемы, которые все равно остаются и не могут быть ликвидированы до конца, то в контексте современного постмодернистского общества подобная опасность просматривается в качестве актуальной и не такой уж иллюзорной. Общество, которое не в состоянии дать личности устойчивые, не вызывающие чувство протеста идеологии в самом этимологическом значении этого слова, не может гарантировать состояние социальной стабильности и уверенности в правильной логике своего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 956 с.
3. Козловски П. Культура постмодерна / Пер. с нем. М.: Республика, 1997. 240 с.
4. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шмагко. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с англ. Т.А. Азаркович. М.: Крон-Пресс, 1995. 448 с.

Статья поступила в редакцию журнала 18 декабря 2006 г., принята к печати 25 декабря 2006 г.